

Егор МОИСЕЕВ

Егор Моисеев родился в 2003 году в Саратове. В 2021 переехал из Саратова в Москву. Стихи публиковались в журналах «Волга», «Кварта», Poetica, «На коленке», на платформе «Полутона» и др.; проза – в «Новом мире».

РАССКАЗЫ

Дары Волков

Под Новый год Сонечка захотела в Питер. На открытие арт-пространства
...Ещё посетим Фонтанный дом, послушаем о Гильгамеше. Купим книг в Подписных. В Угрюмочной ты пил? Мне кажется, нам необходимо подарить друг другу Петербург...

Мне претила знобкая каменоломня, вывернутая к тому же наизнанку

...Да что там есть? Город на костях. Потерь-пурга...

Я обесценивал чьи-то труды...*Арт-пространство твоё – дубликат дубликата. В Москве и получше – чёртова прорва...*

Декабрь выдался на редкость загруженным. Я не высыпался, не брился. Проводил с ней всё меньше времени, и в какую-то ночь она не выдержала

...Не будем друг друга больше мучать...

И что мне оставалось делать? Разумеется, я согласился на Петербург...*Романтическое путешествие. Помнишь ведь, какие соснища из поезда видны, когда в Питер едешь. Я тебе покажу одно дерево. Его видно мгновение, но оно запоминается навсегда*

...Правда?.. обрадовалась она

...Конечно, дорогая. Я даже хотел как-нибудь летом спрыгнуть с поезда и разыскать среди леса тот ствол

...Поедем в обнимку!..

Но ехать в одном вагоне – или хотя бы поезде – нам не пришлось. Прощёлкали все места, и разница в отправлении наших составов была неприятна.

Ранним вечером накануне католического Рождества ей пришло уведомление: в схеме занятых мест, напоминавшей прежде полную челюсть, выбили зуб. Можно было вписать в щербинку паспортные данные и через три часа ехать.

Пару минут спустя оповестили и меня, что состав номер такой-то готов – так и быть – уместить счастливого ротозея.

Я проводил Сонечку до входа в Ленинградский вокзал и поспешил обратно, в нашу студию – увязывать вещички.

На пороге меня за ноги и горло поймали сорванные гирлянды. Включил свет. Увидел, что шкаф-купе стошнило куртками, коробками, шапками, кофточками – он не выдержал скорости Сонечкиных сборов.

У меня было полтора нехороших часа: ни на сон, ни на фильм.

Бросил куртку на пол и выкопал из шкафа сумку. Что я мог в неё сложить? Кроме бритвы, зубной щётки, ноутбука. Вспоминаю, складывая.

Собравшись, присел на стул. Уставился на сумку. Как бы ожидая, что она воскликнет: «Ты забыл положить в меня...!». Но сумка молчала.

Решил, что покурю сейчас, дабы не тратить время у спуска в метро: я «переехал» на долгие папиросы. Встав за пачкой – она лежала в брошенной на полу куртке – я услышал, как телефон рыдает в глухоте пуховика.

...Алё! Ты почему не отвечаешь?.. Соня прям орала. Интересно, кто делил с ней купе

...Подуспокойся

...Ну правда, почему? Дорогой, скинь, пожалуйста, два моих рассказа мне в Телеграм. «Машенька» и «Дары Волков». Со мной едет – не поверишь кто?

...Кто?

...Неужели не хочешь угадать?

...Не хочу

...Под Рождество у одарённых людей обостряются шестые чувства, попробуй

...Ай, не знаю. Пусть будет Дмитрий Вынутый

Дмитрий Вынутый – именитый писатель и сценарист. Сонечка упивалась им последние несколько месяцев. Я купил для неё все его издания: три сборника пьес, два – стихотворений, два – рассказов, а также четыре романа.

...В цель! Дмитрий Вынутый. Я ему прочитала твоё четверостишие, про негров. Он засмеялся

...Да, вполне забавно... сказал кондитерский голос, придвинувшись к её телефону.

На одной койке, получается, сидят. Трясётся Сонечка бок о бок со знаменитым писателем.

Я засыпал ревность песком глубокого уважения к таланту Вынутого, его способности говорить о самых скучных, рутинных блужданиях завораживающе нежно. Я только спросил...*Может, свои пьесы покажешь? Он же как сценарист ещё*

...И пьесы покажу. Давай скорее, а то связь пропадёт. Ноутбук на кровати, под пледом. Папка «Писанина»

...Хорошо. Сейчас. Ты уже увидела дерево?

...Да какое же дерево. Скорее!..

Ох, как мне нехорошо.

Правды ради, я поступил бы на её месте схожим образом.

Плывать, что опоздаю, плевать, что неудобно. Гони рассказы и всё.

В литературной среде так просто найти двойника, почти полную копию собственного характера, что страх пробирает, если задуматься. У неё поразительно созвучный с моим скрип постмодернистских поползновений, глаза наши одинаково остры до странных совпадений и созвучий, на основе которых можно было бы сочинять полотна-деконструкты. Но Сонечке, в отличие от меня, не приходило в голову, что только ленивый не попробовался из пыльных графинов такой литературы. Поэтому она была плодовитей.

Сонечка подражала речевой манере почти исчезнувших людей, которые духом прижатой иронии в своё время превратили «образ Достоевского» в «достоевский образ», «приём Маяковского» в «маяковский приём». Как бы подженили творение к творцу, чтобы таким собачим образом облегчить для себя понимание литературы. Если такие люди говорят: «Гёте» – то обязательно прибавляют «тайный советник». Если Фрейд, то Фройд. Если Троцкий, то Троцкий-Бронштейн. Ни слова в простоте. Если они начинают писать прозу, то говорят «пробую в прозу», если поэзию – «у меня не получается в стихи». У них ещё ухо очень чуткое и, если чихаешь во время их речи, то они прерываются – «истинная правда». Или, например, шутят: «есть такое хорошее русское слово “контаминация”». Вот на кого стремилась походить Сонечка.

У нас одинаковые тёмно-русые волосы, схожие горбинки на носу. Равная степень – нет, порода – музыкальной фальшивости слышалась тем, кому мы играли песни Гр. Полухутенко. Безвкусице в одежде. Вот зачем поверх серых лыжных колготок надевать белую юбку, которая просвечивает, как летний викторианский зонт? Приманка для стареющих литераторов.

Открыл её компьютер, файл с рассказом «Машенька». Натянул на абзац голубой бредень, скопировал и унёс, как чорт месяц. Вот, получай свой рассказ

...Он был раздражён дурацким положением, в которое они оба попали, и этим вынужденным разговором с незнакомцем. Бывает так – судьба склеивает. Они стояли в темноте.

– Тарак Шорней... Тараш Корнеевич. Язык шломать можно.

– Можно, – довольно холодно ответил Канин.

Незнакомец представился, рассказал, что скоро к нему придет его «шупруга»:

– Мушенька, – сказал он, и Канин подумал, что её-то имя господин не ищет: «Так и выбирал». – Одинёшенек шреди прушаков. Четыре года – шутка ли икашать.

Канин и его новый знакомый выбрались из темноты. Попрощались.

Канин прошёл в свой угол и уснул. Во сне он сотряслся от приближения существа, проходящего незримо сквозь толщу самого дома; вот оно вошло с той стороны, призрачный гул его расшатывает стену, толчками пробирается он по старому ковру, задевает стакан на рукомоинике, уходит, наконец, с холодным звоном...

В общем, рассказ едва ли доставит радость узнавания тем, кто не знаком с «Машенькой» Сирина. Кончалась пародия трагически.

Канин – это таракан – понимает, что «шупруга» – его детская любовь. Он чувствует, что не может жить без неё. Узнаёт у мужа (он, как мы выясняем, жук) точное время прибытия, мчится на вокзал, чтобы встретить её раньше муженька, увести от его докучливого рыла прекрасный образ...

Вот Канин уже на перроне, разглядывает белую шущ-линию, подходит к ней вплотную и глубоко дышит. Слышится человек – то самое существо, от которого сотрясилось жилище. Человек приносит на обуви прекрасную муху, Мушеньку. Канин зовёт её, она откликается. Не верит глазам. Где-то на другом конце толпы раздаётся голос жука

...Шладкая моя! Я тут. Куда ты шмотриишь?..

Канин решительно перепрыгивает шущ-линию, обнимает возлюбленную, и вдвоём они уносятся на человеке от неприятного шупруга, от пруссаков, от всего пошлого и дурного.

Но внезапно с Каниным случается приступ судороги, тело его разбивает паралич: шущ-линия, через которую он перепрыгнул, была прочерчена «Машенькой» – тараканьей отравой.

Жук вопит в спину уходящему человеку...*Прошмандовка! Не вишдумай вошвращаться...* И бедная Мушенька остаётся одна в незнакомой стране.

Получай свой рассказ. Второй назывался «Дары Волков»

...Погода стояла хорошая. Птички пели. Никто их не насиловал. Молодожёны Неделины курили на хлипком балконе. Каждый про себя ужасался: «В какой дыре-то я! Что за жизнь».

– Ситцевая свадьба, получается? – улыбнулся Игорь Неделин. – Как это мы с тобой так, а? Я тебе подарю кое-что незабываемое.

«Етиж-пассатижи, – подумала на это Лиза, – а мне что ему дарить?»

– Пойду я, – сказал Игорь. – До вечера.

– Давай, – сказала Елизавета Неделина и достала новую сигарету.

Докулив, она оглядела их комнату через грязное стекло этой вот лоджии. Шифоньер, раскладной диван, пыльный телевизор. Компьютерные столы в двух углах – диагонально, чтобы, сидя спиной друг другу, не отвлекаться от мониторов.

«Нет. Сейчас если чего и дарить, то такое, что станет полезным для обоих». Она задумалась о кухне: «Может, мясорубку? Или комбайн?». Потом подумала о пароварке, чтобы готовить морковные котлеты: «И маме буду. Пусть худеет». «С другой стороны

– это не романтично как-то». «Так, ладно, денег всё равно – кот наплакал. Надо понять, что быстро продается на Авито».

Наобум открыла шифоньер. Взгляд упал на розовую коробку. «Наручники!» – интуитивно обрадовалась она.

Через пару часов Лиза уже встречалась с покупателем. Им оказался жирный светловолосый мужик. Лиза попросила заплатить наличкой. Мужчина протянул ей пятихатку.

– Слушайте, – сказал он, – мы с моей девчонкой собираемся на дачу. Шашлыки, бассейн. Давайте с нами? – он погремел коробкой с наручниками...

По пути домой Елизавета зашла в Магнит.

На стенде с журналами она увидела пластмассовый шар в виде волшебного кристалла с коротким чёрным проводком – такая лампа, бросающая на потолок разноцветные паруса, сияния и звёздочки. Подобная стояла у неё в детстве. «Если мы обои переклеить не можем, если потолок второй год не накопили натянуть – пусть по ночам всё потеряется за огоньками».

Вечером Игорь вернулся с длинной коробкой.

– Дорогая! Иди встречай.

Лиза заправляла сметаной огуречный салат.

Он разулся и зашёл на кухню.

– Ты чего не встречаешь?

Она сняла фартук.

– Игорёш, я хочу подарить тебе кое-что очень важное. Кусочек моего детства.

Она взяла его за руку и привела к дивану, на котором лежал волшебный шар.

– Это детский фонарик? – спросил Игорь.

– Но не простой. Он поможет скрыть наши срач.

– Ну не начинай.

– Я хочу, чтобы он стоял на твоём столе. Давай подключим?

Лиза взяла светильник и нагнулась с ним под стол Игорёши.

– Так, – вынырнула она, – где удлинитель?

– Ох, Лиз. Я его продал.

– Это же был мой удлинитель... – Лиза положила шар на диван и вытерла руки о ляжки. – Молодец, что я могу сказать. Придётся твой компьютер выключать по вечерам. Что молчишь?

Игорь сомкнул руки на груди. Посмотрел в сторону, пыхтя, и сказал:

– Офигенно, Лиз. Я работаю по тринадцать часов. А вечером в компьютер нельзя поиграть.

Лиза не стала ссориться.

– Ладно, – сказала, – всё равно. Не хочешь, чтобы у меня глаза перед сном светились зелёным, розовым, голубым... Показывай, что у тебя в коробке.

Игорь вынул длинный чёрный прут. Сначала Елизавета не поняла, что это. Но Игорь провёл палкой по её ляжке. Свесилась плеть с десятком шлепков. Он начал хлопать по ладони, улыбаясь:

– Сейчас накажу тебя, как ты любишь. Где у нас наручники, сейчас прикуём мою маленькую...

Дабы не признаваться в том, что она продала его дурацкие наручники, Лиза накинулась на мужа и стала умолять о наказании. Неделин хлестал молодую жену двадцать минут. Она терпела. А после короткой близости пошла в ванную и ужаснулась кровоподтёкам, похожим на россыпь красной смородины.

Игорь довольно курил в постели. Елизавета, ничего не говоря, легла на самый край дивана. А на следующий день поехала к мужчине, купившему у неё наручники.

...Так... подумал я... так...

И позвонил Сонечке

...Да, дорогой... отвлеклась она, видимо, от сладчайшей беседы... Ты разобрался?

...Разобрался. Что за дрянь ты пишешь? Я про «Дары Волков»

...Ты не понял?.. посочувствовала она... Это же вывернутые «Дары Волхвов» О.Генри. Вместо продажи своего для подарка любимому, герои продают вещь любимого, желая, под прикрытием праздника, порадовать себя. Здесь не может не быть дряни, они ведь обманывают друг друга. Никаких объятий в конце. Только боль. Так же пол-России, наверное, живёт

...Ох ты, что вы такое говорите... послышалась чеширская улыбка Вынутого

...Неужели вам близок замысел?.. удивился я... Спроси, Соня у него. Неужели близок?..

Она включила громкую связь. Писатель говорил...Сказать по чести, мне никогда не была близка новелла О.Генри – из-за её приземлённости. Материальности. Разве нашего человека прошибёшь незадачливым обменом вещей? Тем более после девяностых, когда обмен как таковой решал целые судьбы. Помню, дядя у меня продал Яву, мотоцикл – ему весь двор завидовал – чтобы новую модель приобрести. А рыночек возьми и сократись. И остался дядя без мотоцикла. Что нам предлагает Генри? Ну, жена продала нужное и купила ненужное, ну муж. Неужели на этом примере чувствуется божественная любовь. Мне, например, чувствуется, что бедные люди – пример тавтологии. И всё. А я о том и сам знаю. Хотелось бы, чтобы такой же обмен произошёл другими ценностями. Например, героиня продаёт честь, чтобы подарить герою дачу под Москвой, а тот – Родину, чтобы сыграть с ней свадьбу в Греции, и чтобы мы чувствовали не любовь, не праздник, не чудо, а слепой, как старое квартирное животное, рок

...Справедливо... сказал я... Но у Сони же не появляется ничего духовного. То же самое, но

...А вы пришлите ей рассказик. Я сейчас почитаю, и мы втроём поговорим, если будет связь. «Дары Волхвов» – это ведь не простая новелла, а рождественская. Лучшие времени не придумать...

И Соня была такова. Я отправил ей и второй рассказ. На лбу телефона сподручно горело время. Становилось поздно курить папиросы. Я подошёл к кровати и вынул из тумбы ложноаристократическое курево – у Сони была особая пачка.

Давно, когда мы только свели знакомство, она сверкнула... Ты знаешь, что можно гадать по фильтрам сигарет? Нужно выкурить целиком, не вынимая изо рта и думая о трудном вопросе. Чего хочешь от жизни, где проведешь год и подобное. На фильтре образуется пятно, причём однозначно трактуемой формы...

Сонечка никогда не выбрасывала следы такого гадания. Оно воняло в прикроватной тумбе. Мне не было дела до мусора, и я говорил ей... Думай, что хочешь. Это бред, как таро или кофейная гуща...

Я обнаружил пять замусоленных пачек и одну свежую: все сигареты стояли по струнке, только один окурок втиснуто желтел вещим узором.

Я выковырял его и разглядел крестик. Сначала я принял его за герб СССР, так похожий на сбитого орла. Но нет. Крестик представлял из себя что-то более гармоничное. Сердце, словно барбариска, стало рассасываться в груди до острого остаточка. На фильтре был державный герб Санкт-Петербурга...

Ах ты... сказал я вслух... Вовсе не на открытие арт-пространства ты едешь. А за новой судьбой. Ах ты...

Я схватил сумку, накинул пуховик и выскочил вон.

В такси позвонил Сонечке. Связь не просто была, а была такая, что Соня ответила мне видео-звонком. К фронтальной камере были поднесены два бокала, полные пузырящимся напитком, так что сначала я увидел только их. Потом знаменитый писатель Вынутый – белая борода на широком подбородке, карие глаза – предстал предо мной в

небывалом ракурсе: его лицо расплылось дугой, пробежало по стенке бокала и ускользнуло.

Послышалось... *Ви вишь вишь ю а Мэри Кристмас, энд зэ хепи Нью Йир...* раздался визг, звон, и бокалы отлетели от камеры.

Дмитрий Вынутый нахлобучил на себя колпак Санта-Клауса

...Дорогой!.. сказала Соня, выглядывая из-за его плеча... *В соседнем купе ехали поляки. Они пригласили нас праздновать Рождество...* она перевела камеру. Три здоровых мужика салютовали мне... *Познакомьтесь, пожалуйста, это мой молодой человек, он едет ко мне на следующем поезде...*

На лицах поляков проступила досада... *Мэри Кристмас, Мэри Кристмас...* А на деле – им Сонечку подавай.

Соня сказала

...Им очень понравилось твоё четверостишие про негров!

...Да почему ты только его читаешь? У меня что, чёрт выдери, других вещей нет?..

Нежный писатель Вынутый сразу отвернулся от камеры и печально опустил подбородок. Мол, в такой день и так девушке грубить

...Ты чего?.. Соня, чтобы не уронить себя, добавила голосу воспитательские нотки... *Что опять не так?*

...Ничего мне сказать не хочешь? Ты в Петербург точно на открытие арт-пространства едешь? А то я у тебя в гадательнице окурочек нашёл, на котором герб очень знакомый...

Такси подъехало к вокзалу. Чё-то плечо толкнуло Соню... *Я тебя не понимаю. Ты же никогда не верил в эту ерунду...* она явно не собиралась вникать. Посмотрела в сторону писателя, боясь, что он заскучает... *Дмитрий, а скажите, пожалуйста, понравился вам всё-таки рассказ про молодого жёнов?..*

Вынутый оживился. Новогодний его колпак гасил мою ревность... *О да! Очень реалистично. Кстати, Сонечка, вы же читали Мамлеева?..* Сонечка закивала, он миролюбиво продолжил *...Когда ваш молодой человек нагонит нас, сходим ко мне. Я сохранил самиздатовское собрание сочинений Юр Виталича. Там много такого, чего и сейчас не печатают...* Вынутый взял со стола розовую электронную сигарету... *Сонечка, не возражаете?..*

Конечно...

Он набрал полные щёки пара, но поперхнулся и рассеял глицериновую современность перед камерой, так что на мгновение картинка пропала. А следом пропала и связь.

Минуты перед отправлением прошли напряжённо. Я пробежал рамы, высмотрел на табло путь своего поезда. Пару мгновений поизучал стенд «Разыскиваются».

Моя лёгкая сумка лопотала под сурдинку... *Водку! Ты забыл положить в меня водку!..*

Сонечка должна была подтвердить бронь в гостинице. Чувствовалось, что она забудёт. Мол... *Далековато наша гостиница от вокзала. А я нуждалась перевести дух. Дмит Сергеевич любезно позвал меня в гости – не отказать же. Вообще, это моё Рождественское чудо. Неслучайно я поехала в Питер именно сейчас. Всё шло плохо, так, чтобы мы остались в твоей Москве. Но под Рождество*

...Это Католическое Рождество... сказал бы я, и был бы близорук и клюквенен.

Со мной в купе ехал благовидный среднеазиат. Он спросил *...Когда свет выключат?*

...Часам к десяти

...Спасибо. Ты не пьёшь?

..Нет

...А то сейчас все пьют. А пить, понимаешь сам. Всевышний таких наказывает...

Я хотел уже уйти в тамбур, чтобы не пропустить дерево, но мой сосед заговорил про испытания, которые Бог посылает слабым в вере

...Проглотил Юнуса рыба. Как его. Кими

...Кит

...Да, кит! Он устрашился в ките и сказал Всевышнему: «Верю, на всё готов, потому что ты всемогущ!»...

И так далее. Потом спросил *...Сколько мне лет, как думаешь?..*

Сорок?.. он заулыбался и полез за паспортом. Протянул мне *...Читай. Семьдесят пять! Всю жизнь молюсь Богу и работаю, в жизни сигарету не брал, вина не пил...*

Православному человеку сейчас в душу наплевать проще, чем футбольному болельщику.

Он закончил *...Вот, всё, что я хотел тебе сказать...* Отвернулся к окну, улыбаясь, умыл лицо влажными салфетками.

В окне рябили сосны. Я вышел в тамбур. Мельком увидел знакомый ствол. На голых ветвях трепетали разноцветные ленты – протягиваясь к поездам.

Пришло сообщение, что связь возвращена.

Раздался звонок. Я ответил *...Привет, Сонечка*

...Прив. Как дела?.. ответ её не интересовал *... Мне плохо, я ничего не чувствую... и вдруг ...Я не хочу быть девушкой какого-то поэта*

... Что ты городишь?

...Меня так воспринимают. Твоё четверостишие хвалят. Негры. А мои рассказы

... Что твои рассказы. Только что же хвалены твои рассказы

...Нет. Все относятся ко мне предвзято. Иначе бы я не чувствовала напряжения.

Ты для всяких писателишек всё равно интереснее

...Ты где сама? Где Вынутый?

...В кабинке. Мне плохо и холодно. Они смотрят на меня как на бабу какую-то. Трахнуть хотят, а на рассказы им

...Алё!.. мне стало её так жаль... Дорогая, всё это не так...

Связь оборвалась.

Я посмотрел в непроглядное движение леса. Выбраться бы из бешеного поезда, залезть на дерево... *Разгляжу с него вороватого чёрта, взнуздаю и долечу до Петербурга в два счёта...* сказал я... *Ты же сохнешь без моей подпитки, Сонечка...*

Я вернулся в купе. На верхних полках соседи спали невыразительно, как пустые шкурки пауков, отвернувшись от всего, а среднеазиат – нет. Он держал руки по швам, лёжа на ровнёхонькой спине. Одежкой укрылся до шеи. И улыбался.

Мне снилось, что я и Сонечка, гуляя по осеннему лесу, набрали на опушку. Против нас оказался рычащий огромный – размером со льва – лабрадор. Я заслонил собой Сонечку и шёпотом произнёс *...Прижми подбородок. И держи руки у лица...*

Я смотрел на Цербера, выжидая бросок, и аккуратно, двигая руками за спиной, распрямлял крючок вешалки.

Сонечка держалась молодцом. Но вдруг она вскрикнула. Я опрометчиво повернулся к ней *...что такое?..*

Она показала пальчик

...Укололась, маленькая? О проволочку? Ну извини. Дай подую. У кошки боли, у собаки боли, а у Сонечки...

Собака вцепилась мне в лопатки. Я лежал на снегу и стонал, вяло сбрыкивая обувь.

Проснулся от того, что полицейский тряс меня за ногу. Машинально кивнул. Посмотрел в сторону соседа. Санитар сидел у него в ногах. Полицейский сказал *...Вставайте. Санитарам тесно вынести тело...*

Лицо старика по-прежнему благодатно отдыхало. Я незаметно сфотографировал его, чтобы показать Сонечке, на каком негативе я был из-за неё, что аж сердце праведного человека не выдержало и умерло.

Сходя с поезда, подбирая слова, чтобы приободрить Сонечку. Я не встретил её ни на вокзале, ни в гостинице. Побродив по Невскому, я не заметил ничего, кроме сувениров. Вернулся в зал ожидания. Слушал музыку, поглядывая на сумку. Сумка медленно повторяла ...*Бомбу! Кажется, ты забыл впихнуть в меня бомбу!*..

Я зашёл на Сонину страницу.

Она обращалась с моим сердцем как с пучкой для надувания спасательного круга или нарукавника. Кусала, гнула во все стороны чуть более плотную резину тела, дула в неё ради удовольствия (кислородное голодание – кайф!) и поддержки на воде. Потому что сама она плавать не умела. Зато, усевшись на моё раздутое сердце, теряла страх глубины и плевала в Нептуна, крича всем, кто смотрел на неё с берега, что в её плевке отражается бог.

Соня выложила фотографию. Дмитрий Вынутый в колпаке, она с бокалом шампанского, два огромных поляка чуть грустные в дверном проёме купе. Вынутый наигранно изображает усталость, она – испуг

...Спасибо Этому Году за все Чудеса. И за новую Дружбу. Спасибо моему Попутчику за прекрасный разговор, скоротавший путь до Петербурга. Кстати, вот мой любимый рассказ Димы Вынутого.

Записка

В детстве я замечал мёртвых птиц. Кривые стеснительные голуби постоянно попадались по дороге до школы. Теперь, последние пару лет, встречаю хромых девишек. Не старух, а именно шикарных, атласных. Как будто в моду вошла операция по удлинению конечностей. Ножки удлиняются. Девушки расцветают, но по предписанию костоправа до поры не оставляют костылей.

Вчера, когда мы расстались, я ощутил странную свободу. Первое, что я увидел, покинув твой подъезд – жёлтый высокобашенный трактор. Отвисшей губой он сдвигал снега. В его прозрачных мыслях улыбался казах. Мне стало забавно до хохота.

В супермаркете я купил молочный коктейль и сигареты. Касса самообслуживания пиццала как-то по-праздничному.

Я гулял в сквере, который подарил Москве не помню какой телеканал. Деревья, похожие на чёрных собак, сросшихся в страхе, виляли ветвями. В сквере – не души. Я кричал. Сначала – пробовал голос рыком, а потом: «Я зверь! Дикий зверь. Которому никто не нужен. Не лезь ко мне. Убью!».

А ведь ещё две недели назад я звал тебя в путешествие: Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Владимир. Намеревался сделать предложение. Но ты, что-то почувствовав, показала моему золотому кольцу не безымянный, а средний палец. И завтра улетишь в одноимённую Азию.

Я пришёл в общагу. Спустил джинсы до колен и от усталости сел на кровать. Долго-долго смотрел меж ног, в синюю глубь приспущенных штанов, словно собираясь с духом перед прыжком в водопад.

Позвонил друг. Спросил, хочу ли я на тусовку, он за мной заедет. Я сказал, что с удовольствием, но предупредил, что усну и не отвечу на звонки, так что, если он сможет, пусть поднимется за мной сам, дверь не запер.

Друг, вряд ли ты меня разбудишь.

Я разделся догола, написал фломастером по холодильнику эти слова, открыл на телефоне любовные фотографии. И меня сразу отравил цыганистый карий её глаз.

Соне поставили сотню лайков – поощрили за случайную встречу с именитым писателем.

Я не нашёл в себе силы уехать от неё обратно, в Москву.

Покидая Московский вокзал, я обратил внимание на башенные часы, средневеково черневшие в мятном от мороза воздухе. Я бы хотел тогда бомбу с таким циферблатом.

Сонечка игнорировала меня двенадцать дней, утаивая, где живёт. А на Православное Рождество пригласила в Исаакиевский собор.

Друг

Знаете, какой у меня друг?

Когда мы проехали Пензу, погода испортилась. По скользкой дороге, обгоняя огромные фуры, похожие на чудовищ из Майнкрафта, мы докатили до мотеля. Пока я парковал наш байк, укрывал его тентом, друг взял шлема, сумки и пошёл оплачивать номер.

Простой мотель. Комната – с видом на сосны. Бор стоял через проезжую часть. На нашей же стороне, кроме мотеля, ширился пустырь, огибаемый излучиной дороги. Редкие удары дождя о подоконник походили на скрип костюма из прочной резины, в который втискивается цирковая слониха. Пррррр – влезла голень, пауза, пррррррр – влезло колено, пауза. Прррррррр – натянула до бедра.

Сосны отразили ветер. Ударил гром. И следом – сигнализация. Ключи в кармане заболели. Я посмотрел на друга, который успел снять верхнюю одежду, и выбежал на улицу.

Два человека в кепках сажали скулящий байк на лебёдку, собираясь утянуть его в тёмный грузовик.

...Стойте!.. Я потянул из кармана кастет и вместе с ним – бесхитростный Буратино – вытащил ключики.

Люди переглянулись и пошли на меня. Приблизившись, один из них резко накинул на мою шею локоть, повалил в лужу и прикрикнул *...Смирно лжи...* Потом он сказал что-то сообщнику. Сообщник отцепил лебёдку, сел в грузовик и был таков. Грабитель слез с меня, взяв из расслабленной ладони ключи.

Он с трудом соображения завёл байк и выехал с парковки на полосу разгона. Выжал сцепление, переключился на первую передачу и остороженько отпустил сцепление, слегка добавив газ. Разогнался и исчез за изгибом полотна.

Ещё не поднимаясь, я заметил, как мой друг, полуголый, бежит по пустырю, наперерез угонщику. Он соударял нашими шлемами. Угонщик не мог его разглядеть, поскольку косой, всё усиливающийся дождь ограничивал его лиходейский обзор.

Мой друг завопил высоко и страшно. Он делал так, когда мы дрались. Я был сильнее, выносливее. Он – мягкий, не спортивный. Но когда он визжал, моё сердце сжимало страхом, дыхание сбивалось, и он забарывал меня, как медведь сифилитика.

На повороте включился стоп-фонарь, завилял, и рухнул... *Байк наш...* подумал я и пришёл в чувства. Рванул к месту катастрофы.

Заднее колесо замедляло вращение. Угонщик валялся в обочине.

...Он жив?!.. суетился друг возле бандита... *Он живой, нет?!*

Я подошёл к телу. Содрал кепку. Лицо и волосы заляпались грязью. Разбить голову, упав на мягкую траву, он едва ли мог. Кости сохраняли естественные углы. Дыхание слышалось. Сердце стучало.

...Живой... сказал я ...Возьми с него куртку, догоним второго....

Мой друг вытряхнул онемевшего негодяя из куртки – а это не легче, чем одной рукой вправлять одеяло в пододеяльник. Мы с трудом подняли конягу

... Дима, в следующий раз пораньше выбегай, хорошо?

...Ты сам вчера хотел кому-то... я почувствовал его ухмылку... втащить, а! Негодяй. Втащи-ил?

Вы знаете, какой у меня друг?

Мы десять минут преследовали грузовик, и он – неэкипированный – не замёрз и не простыл.

Поравнявшись с грузовиком, я вытащил из сапога нож-москит и передал другу. Он изловчился и ужалил непомерное заднее колесо. Потом ещё и ещё. Изодрав протектор, хлопнул меня по плечу, чтобы я сбавил скорость. Грузовик оторвался от нас, и через мгновение его занесло.

Спешились. Подбежали к кабине.

Угонщик упал на руль головой. Плечи его тряслись. Я запрыгнул на переднее колесо, разбил стекло и сказал *...Выходи...*

Он вылез

...Открывай, скотина, кузов...

Он отпер

...Залазь внутрь...

Кроме лебёдки там ничего не виднелось. Вместе с пленником мы запрыгнули внутрь. Ботинки клеились к полу. Повсюду был размазан, видимо, арбузный сок. В углу стояли весы и пакет с пакетами

...Садись в угол...

И угонщик сел.

Он со страхом смотрел, как я копошусь в пакетах

...Задущить тебя? Могу...

Из пакета вылетела оса. Ловя баланс в придушенном тельце, она подлетела к верхнему углу и забила под обшивку.

Я расковырял её убежище. Обнаружил крупное гнездо, похожее на вулканический камень

...Дим, выйди, чтоб тебя не покусали... (я-то был в шлеме и экипировке). Взяв угонщика за шиворот, свободной рукой я снял гнездо. С десятков ос вылетело врассыпную. В гулкой тесноте кузова их маленький рой загудел даже ветхозаветно.

Я засунул их гнёздышко угонщику под майку, выскочил из грузовика и запер двери.

Мой друг сказал *...Шизуха полная...*

Я ответил *...Да*

...Только жалко осочек

Я ответил, опомнившись *...Действительно жалко. Но у него вряд ли рука поднимется их бить...*

Через десять минут мы выписывались из мотеля. Мой друг умудрился вернуть деньги. Когда мы садились на байк, он сказал *...Может, теперь-то скажешь, куда мы едем?*

...Почему теперь?

...Я вернул байк... он захихикал *...Без меня мы бы тут и остались. Теперь ты должен признать, что я полезен. По-ле-зен*

...Ты полезен. Благодаря твоей заднице нас не сдувают фуры...

Поехали дальше и остановились только через шесть часов.

Знаете, какой у меня друг?

За тысячи километров от нашего дома до Пензы, от Пензы до моря, он поинтересовался, куда мы едем, всего один раз.

Бубнил разве что иногда... *Куда ты мчишься, птица-мотоцикл?..*

Звёзды караулили друг друга, не смыкая очей. Мы в беззвучии пустого мотора перекатались через бревенчатый мосток и обнаружили себя на узкой тропе, ведущей на вершину холма. Тонкие стволы клёнов и берёзок цедили ночную влагу, ночную сказку

...Бери рюкзак. Иди потихоньку вверх

...Мотоцикл возьмёт подъём?..

Я не знал.

При таком градусе, переднее колесо могло оторваться от земли (и так бы обязательно случилось, не попроси я задницу Димы с седла). На более широкой тропе я смог бы спрыгнуть. Здесь – нет

... *С Богом...* сказал друг и затерялся среди деревьев.

Я вывел конягу ровно под уклон. Встряхнул плечи. Поворотом ключа отворил столпившийся в фарах свет – подножные мошки тут же распространились его затыкать, заслонять.

Завёл мотоцикл, щелкнул первую передачу, взревел сцепленным газом и позволил оборотам воплотиться.

Пространство покорилося. Ночь окружила меня. Мелькание растений переросло в сплошняк, и, став фоном, вышло вон из осознания. Умятая трава тропы – напротив – обрела акцент. Она стлалась и стлалась предо мной. Короткие палочки, выцветшие стебли проглатывались колесом.

Среди стебельков блеснула глиняная жаба. Я отвёл от неё колесо и тут же начал заваливаться.

Чуя, что перевернусь, я вывернул колесо обратно и привстал на подножках так, что почти свесился над передней шиной. Подъём ещё длился, а мощности стало не доставать. В таком положении невозможно было бы пришпорить коробку передач: вместо ускорения, я бы заглох. Прибавил газа, но снова чуть не завалился.

...*Налево сейчас, налево!..* услышал я голос друга.

Я, напрягая торс, съехал с тропы, прокатился по бурелому и почувствовал, как под колёсами трещит сухой щебень. Переключил фары на дальний свет и увидел безопасный путь на вершину.

Мой друг ощутимо сел. Одолели подъём.

Через пару минут увидели фонарь на деревянном столбе. В его свете – свинскую загнанность пары мусорных бочков. Когда мы их проехали, друг заорал через шлем

... *Лисица!..*

Я глянул в зеркальце заднего вида. За нами бежала седая длинная лиса. Её глазки сияли

...*Здоровая какая, а! Колбаску ей кинем? Кинем?!*

Затормозил. Мой друг спрыгнул с мотоцикла, снял рюкзак и нашарил в нём копчёную курятину. Как раз подоспела лисица. Дима, не снимая перчаток, отщепил и протянул ей. Лиса ощерилась, но подошла поближе.

...*Ну-ка. Ну-ка...* затыкал Дима...*Кушац? Кушац будем?!*

Лиса взяла с ладони кусок. И принялась жевать, слегка урча.

Звери перестали бояться людей. Шёл аномальный год. Человек и животное тянулись друг к другу. А человек к человеку – не понятно. С одной стороны, все социальные конструкторы (семья, религия, деньги) ощутимо ослабли, хотя не исчезли. С другой стороны, крепчали братские, я бы сказал, разбойничьи узы.

Наигравшись с лисицей, мы поехали по единственной деревенской улице. Остановились у первого двора с гаражом. Постучали. Неразборчиво познакомились с хозяином.

...*Андрей...* говорит. Смахните пыль с высокой полки – его голос столь же мягок. Он страдал косоглазием. Он постелил нам в гараже, где пахло маслом и землёй. Мы поспали коротко и нелепо.

Косой Андрей растолкал на рассвете. Привёл в кухню. Нас ожидала тарелка бутербродов с маслом, кружки – все в налёте – и по два пакетика растворимого кофе. Хозяин теснить нас за столом не пожелал. Повернулся спиной, что-то помыл.

Выпили кофе – одарили сердце наиприятнейшим соседством. Солнце пронзало стеклопакет. Я открыл окошко.

Вы знаете, какой у меня друг?

Он читает мысли.

Поблагодарив косого Андрея за постель и завтрак, он спросил *...Есть ли у вас ненужная доска? Хотя б метровой высоты*

...Доска? Зачем?

...Мы бы хотели пометать ножи...

Андрей, поджав губы, посмотрел в раковинку. Подбородком указал на скопившуюся посуду...*Ну вон те покидайте. В сарай*

...Не-не-не... Дима улыбнулся... *у нас свои...* И вынул из внутреннего кармана чехольчик, в котором блестело пять рукояток.

Андрей обрадовался

... Ножики. Ножики люблю. Но метательных нет...

Он вышел из кухни и вернулся с толстой кожаной скруткой. Развернул её прямо на полу. Мы увидели десятка два рукояток: из рога и древесины

...Сам вытачиваю... любовно сказал он... *Знаете, финки НКВД? Как говорится – Ножи, Которые, Всех, Доконали. Повсюду они, финки, НКВД. А у меня – вот, собственные красавицы. Не НКВД. Настоящие...*

Мы втроём, как дети, побежали к сараю. Вонзали ножи в зелёную дверцу. Краска отколупывалась. Лезвия звенели. Я умел метать ножи. Знал технику. Хваты. Чувствовал баланс. Но Андрей и Дима так быстро, бесперебойно и так бездумно швыряли клинки, что было бы неуместно мудрствовать.

Косой Андрей неожиданно спросил *...А можно я прокачусь?..*

Прежде я ответил бы примерно так...*Можно, только солью-ка немного бензина тебе на крышу...*

Но неожиданно для себя и друга сказал...*Конечно...* И дал ключи.

Деревня таких моторов не слыхала. Андрей накатался. Мы ждали его у гаража – попрощаться.

Он поставил байк на подножку. Снял шлем. Мы не сказали ему...*Вы что, посидели?..* Зато он сказал... *Трындец. Вам трындец...*

Мы ехали ещё шесть дней. Каждый человек, встреченный нами, был дружелюбен, любезен. Дышалось легко и сладко.

По дороге попадалось всё больше машин без номеров. Всё чаще нас угощали добрые гостеприимцы. Всё реже принимали деньги. Мы тоже делились всем, что имели. Раздарили ножи. Оставили шлема двум бабулям: чтобы их головёнки не продувало, пока они торгуют вдоль трассы плетёными корзинками и банными вениками.

Серпантин пустовал и сиял чешуйками луж. Мы доехали до побережья нищими и лёгкими, как снегири.

Молодая пара – Настя и Арсен – уступила нам половину домика, в который мы постучали наугад.

Раньше я бы задумался. Пошёл бы на коварство. Якобы случайные встречи на кухне. Якобы давай помогу развесить бельё. Якобы позволю придвинуть стул. Якобы хочешь персик.

Знаете, какой у меня друг?

Он бы забалтывал этого Арсена, законопачивал в коридорах.

Но Арсен сам предложил за обедом... *Я бы хотел, если Настя, конечно, не возражает, чтобы мои дорогие гости прогулялись вечером по берегу в её сопровождении. Ведь это доставит вам удовольствие?..*

Настя широко улыбнулась и опустила глаза. Она сказала... *Арсен соберёт нам корзинку для пикника...*

Мы побегали босиком по гальке.

Созвездия читались легко. Море ворочалось так, словно в смирительной рубашке самого себя.

Настя сбросила тунику возле самого уреза, зашла в воду и ударила приспешившую волну коленкой в подбородок. Мы с Димой соулбнулись и побежали за ней.

Догнав Настю, обняли её с двух сторон и утащили под воду. Дима отцепился от нас, поднял со дна пару булыжников и соударил ими – и этот треск мы слышали височной костью.

Вынырнули. На верхнем уровне набережной прожужжал свет – это Арсен на мотоцикле. Не подумайте, мы не поменялись: он – жену, мы – байк. Мы сделали друг другу приятно.

У Насти плавки на бантиках. Я потянул за один. Дима резвился поблизости.

...Дельфины!.. вдруг закричал он *...Плывите к нам!..*

Мы погребли навстречу дельфинам. Они, точно услышав Диму, окружили нас.

Настя сказала *...Не хватайтесь за спинной плавник, а то их перевернёт...*

Казалось, что мы с роду плаваем на дельфинах. Никого не перевернуло. Стайка очень переживала, если мы заплывали далеко. Приткий дельфинюк ударил меня в ребро, подталкивая к мелководью...

Вышли погреться. Стояли в обнимку, потому что Арсен забыл положить полотенца. Я попросил Настю поцеловать меня в бок, а то он саднил.

Глотали из пупырчатой бутылки.

Настя произнесла тост... *Знакомство!..* и потом, слегка серьезнее... *Вы заметили, что происходит, правда? Сперва с нами подружились звери. А неделю назад человечество скрепилось небывалой любовью, хотя до этого мы как бы пережили бандитский ренессанс. Вы понимаете, что наши души сдружились не просто так. А напоследок...*

Конечно. Это понимает каждый. Но никто не озвучивает. И мы не ответили. Настя накинулась на Диму. Знаете, какой у меня друг? Настя знает.

Я успел объединить Лермонтова и Пушкина в полуцентаон:

Звезда с звездой говорит.

Но человека человек

послал...

И тот по ляжкам стек,

невоплощённый гоминид.

Кроме того, от вида беспокойного моря мне вспомнился пожилой поэт, Димин тёзка, с его же телосложением, его же растительностью на лице (разве что мой друг носит эспаньолку без усов, а тёзка – усы без эспаньолки). Раньше за едой мы смотрели интервью с ним. Фамилия ускользала, но в голове крутился его парадоксальный образ про мытьё полов перед цунами.

Знаете, какой у меня друг?

Когда он засыпает на покрывале, в одежде и при свете, я вспоминаю трёхлетнего себя.

Ночью заглянул в комнату, где он сопел. Выключил ему свет.

Через час он застал меня за работой.

Я сидел на веранде, слушая южных цикад, что позычнее наших. Перечитывал очерк, избавляясь от огрех изнурённого сознания и опечаток.

Дима подошёл со спины и спросил... *Что ты пишешь?..*

Я ответил... *Ведь других свидетельств нашего преображения может и не быть. Распечатаю, заламинирую, зарою*

...У ванной встретил Арсена. В восторге. Говорит, что никто так начисто не убирал его половину дома

...Рад...

Иные люди, с которыми мы успели сойтись, тоже радовались. Человечество сияло так, словно вымыло перед наводнением полы.